

Троцук Ирина Владимировна
Российский университет дружбы народов
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Российская Федерация, Москва
irina.trotsuk@yandex.ru

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА (ОПРОСНЫХ) ДАННЫХ В КОНТЕКСТЕ СТАРЫХ И НОВЫХ ДИСКУССИЙ О СОСТОЯНИИ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка обозначить возможности систематизации складывающихся в отечественной науке дискуссий относительно методического арсенала эмпирической социологии. В качестве критериев предлагаемой систематизации выступают: типы ответных реакций социологического сообщества на критические медийные выпады в адрес качества опросных данных; изменение акцентов в профессиональной полемике о возможностях, ограничениях, проблемах и перспективах эмпирической социологии в последнее десятилетие; фокусировка методических дискуссий о качестве опросных данных на инструментах послеполевого контроля; группы проблем, определяющих нынешние акценты в обсуждении возможностей оценки и повышения качества опросных данных (проблемы замалчивания, забывания и нереалистичности).

Ключевые слова: опросные данные; социологическое сообщество; эмпирическая социология; методическая рефлексия; качество данных; количественный и качественный подход; методический аудит; методная триангуляция.

Trotsuk Irina Vladimirovna
Peoples' Friendship University of Russia
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow
irina.trotsuk@yandex.ru

(SURVEY) DATA QUALITY IN THE CONTEXT OF OLD AND NEW DEBATES ON THE STATE OF EMPIRICAL SOCIOLOGY

Abstract. The author seeks to identify ways for the systematization of the current discussions on the methodological and technical arsenal of empirical sociology. The criteria proposed for such conditional systematization are as follows: types of sociological community responses to the critical media attacks on the quality of survey data; the shift of emphasis in the professional debates on the possibilities, limitations, problems and challenges of empirical sociology in the last decade; the focus of methodological discussions about the quality of survey data on the ways of post-field control; groups of problems determining the current focus of the discussions on the ways to improve the quality of survey data (silencing, forgetting and unrealizability).

Key words: survey data; sociological community; empirical sociology; methodological reflection; data quality; qualitative and quantitative approach; methodological audit; methodological triangulation.

К сожалению (а, может быть, к счастью – точки зрения здесь расходятся), сегодня отечественная социология периодически оказывается в центре дискуссий специфического характера: ей ставится в вину получение данных, на основе которых выстраиваются неправильные прогнозы, даются некорректные оценки, принимаются странные управленческие решения с

негативными последствиями и т.п.¹. Поскольку интерпретировать результаты массовых опросов в принципе может кто угодно и как угодно, критикуется обычно не манипулирующий (целенаправленно или по некомпетентности) данными, а их качество – они квалифицируются как недостоверные, необъективные, ангажированные, неполные, нерепрезентативные и пр. (список можно продолжать бесконечно). Ответная реакция на конкретные критические выпады или в целом на атмосферу общественного недоверия социологическим данным бывает разной: размещение в средствах массовой информации статей представителей социологического сообщества, по тональности и содержательным акцентам воспроизводящих дух обвинительных материалов [см., напр.: Чепуренко, 2014]; создание площадок для профессиональных дискуссий внутри социологического сообщества и профильных организаций [см., напр.: Дискуссия о социологии на сайте РОС]; обсуждения на специальных сетевых ресурсах [см., напр.: «Мануфактура Соцпох», позиционирующая себя как «форма групповой работы над эмпирическим и теоретическим материалом, что не исключает новостной ленты и легкой околотематической дискуссии»]; и, конечно, привычный социологам формат научных публикаций по проблемам оценки и повышения качества (опросных) данных [см., напр.: Бабич, Батыков, 2015; Исупова, 1996; Ключина, 1990; Мануильская, Преснякова, 2013; Мягков, 2002; Назарова, 1999; Рогозин, Картавцев, Галиева, Вьюговская, 2016; Сваффорд, Косолапов, Козырева, 1999; Толстова, 2015 и др.].

Содержание, стиль и тональность перечисленных типов реакции на медийную критику социологических данных существенно разнятся. В случае медийного ответа на медийную атаку даже название материала может вполне соответствовать общественным ожиданиям. Так, в статье «Не стреляйте в социолога» А. Чепуренко связывает негативное восприятие социологии в целом и опросов общественного мнения (особенно по электоральной проблематике) в частности с устойчивостью вредных, подрывающих доверие к социологии как инструменту самопознания общества, социальных мифов, таких как: уравнивание социологии с демократическими процедурами; вера, что «электоральные опросы – важное средство управления массовым сознанием»; убеждение, что «если результаты голосования сильно расходятся с данными социологов, то верить им нельзя»; уравнивание «измерения электоральных настроений с электоральными прогнозами» без учета множества факторов, которые определяют, как люди голосуют, как они отвечают на вопросы и что думают, совершая первое и второе действия. Тональность, содержательная насыщенность и общий стиль дискуссий на профессиональных площадках более академичны, будучи рассчитаны на компетентную, оценочно менее ангажированную и менее политизированную аудиторию. Впрочем, если подобные площадки

¹ Критики – не только «внешние» по отношению к социологической дисциплине и сообществу социальных ученых люди, но и представители нашего профессионального круга.

размещены в неформальном сетевом пространстве, то в качестве аргументов могут приводиться зарисовки из личного исследовательского опыта или жизненных наблюдений.

Во всех нынешних дискуссиях о возможностях, ограничениях, проблемах и перспективах эмпирической социологии можно отметить, во-первых, смещение тематических акцентов и отказ от противопоставления разных типов интеллектуальных процедур (методов); во-вторых, несколько подходов к оценке и повышению качества данных. Длительное время споры о типах и качестве данных велись в русле противопоставления качественного и количественного подходов. В западной социологии «спор о методе» применительно к эмпирическим исследованиям во второй половине XX века прошел такие этапы, как: ренессанс качественных методов в 1960-е – 1970-е годы; завершение фундаментальных теоретических дискуссий в 1970-е годы и ориентация на методологическую консолидацию и широкое использование качественных методов в эмпирических исследованиях; в 1980-е – 1990-е годы обращение к проблеме кризиса репрезентации и легитимации этнографических описаний; период беспрецедентного развития качественного подхода с точки зрения его институционализации и публикационного обеспечения в 1990-е годы; сегодня ведутся не бурные дискуссии о соотношении качественного и количественного подходов на методологическом уровне, а спокойные обсуждения критериев оценки данных, прежде всего, в рамках качественного подхода в силу неоднозначности принятых здесь трактовок надежности, валидности и др. [см., напр.: Green, 2001; Morse, 1999; Patton, 2002; Voils, Sandelowski, Barroso, Hasselblad, 2008].

В отечественной социологии сложилась иная ситуация, обусловленная временным фактором – качественные методы стали активно использоваться в России в 1990-е годы благодаря маркетинговым исследованиям. И если в эти десятилетия в западной социологии методологические (ряд авторов предпочитает называть их «парадигматическими») дебаты в целом завершились, то у нас они только начались. Программной статьей здесь является «Миф о качественной социологии» Г.С. Батыгина и И.Ф. Девятко [1994], где дилемма «качественное–количественное» представлена как неприлично модный, но сомнительный и бессмысленный сюжет, имеющий мало отношения к собственно науке, но говорящий о ее критическом состоянии (о непонимании собственного предмета и серьезных аномалиях в институциональной структуре). К 2004 году накал дискуссии о соотношении качественного и количественного подходов в отечественной социологии спал, о чем свидетельствует «Спор о методах» в журнале «Неприкосновенный запас» [2004]: российские условные «качественники» и «количественники», а также авторитетные «методологи» высказали разумные доводы в пользу разных оценок социологического знания, исходя из его методной природы, подчеркнули необходимость развивать методическую рефлексию и способность критически осмысливать собствен-

ный категориальный аппарат и исследовательские практики, отметили все еще слишком упрощенное восприятие социологии как демоскопического инструмента и несправедливую маргинализацию неформализованных данных (и качественных методов) как якобы второсортного журнализма с претензией на значимые научные результаты.

Судя по дискуссии о социологии на сайте Российского общества социологов, с 2000-х годов ее формируют иные полемические вопросы: критерии профессионализма социолога и необходимость включения в них параметра публичности; эпистемологическая структура и логика развития социологического знания, в том числе возможность использовать понятие «национальная школа»; основания теоретической социологии и масштабы применения математического аппарата в социологии эмпирической и т.д. В перечне дискуссионных вопросов несколько особняком стоит призыв Г.Г. Татаровой, обусловленный «методологической травмой» как особым видом коллективной растерянности социологического сообщества перед «обилием социологических теорий, методологий, методов в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности» [2006, с. 3], – переходить от «инвентаризации» имеющихся возможностей к «интеграции» методологического корпуса эмпирической социологии [Татарова, 2007] посредством системы иерархически организованных принципов (различение макро, мезо и микро уровней в рефлексии по поводу методов исследования; упорядочивание методологического знания по критериям «измерение» или «анализ»; рассмотрение языка исследования как сложной системы систем; разведение языковой и логической структуры в каждой методике; выделение понятий-инвариант во всех классах исследовательских практик). Особое положение данного призыва объясняется ориентацией его автора на интеграцию методологического аппарата через процедуру метатеоретизирования, которая неоднозначно воспринимается в социологии, особенно применительно к эмпирическому уровню.

Другой особый тематический блок в нынешних социологических дискуссиях касается методических решений в эмпирических исследованиях. С одной стороны, определенная полемика по поводу методной стороны социологической работы ведется и сфокусирована на трех вопросах: 1) игнорирование этапа анализа данных (публикации о маргинальном статусе математических процедур и статистических методов в российской социологии [см., напр.: Орлов, 2005]); 2) распространение новых технологий исследовательской работы, прежде всего, в сфере сбора данных (повышение репрезентативности онлайн-опросов, использование электроники для фиксации поведенческих паттернов в медиапотреблении, потенциал технологии «больших данных» и т.д.); 3) апологетика социологической методологии после громких «со-

циологических фиаско», связанных с неточностью прогнозов электорального поведения россиян (будь то явка на выборы, итоги голосования или то и другое одновременно)², или же, наоборот, после не менее громких «социологических побед» (например, «крымского опроса»).

С другой стороны, в методическом блоке текущих социологических дискуссий наметился определенный пробел – отсутствует систематическая рефлексия относительно качества (опросных) данных. Безусловно, по этой теме можно найти массу разбросанных по годам и журнальным разделам публикаций (другой вопрос, что чаще всего речь в них идет о сборе данных в рамках конкретного прикладного проекта), периодически возникают локальные дискуссии по отдельным предложениям в этой сфере (например, о «методическом аудите»), однако в целом ситуация здесь неоднозначная. Вероятно, дело в том, что предпринимать какие-то шаги по оценке и повышению качества опросных данных социологи могут на трех этапах проведения эмпирического исследования – до поля, непосредственно в поле и после поля, и основная полемика сегодня сместились на послеполевой этап, потому что с первыми двумя этапами обсуждать, по сути, нечего. Общеизвестно, что до полевого этапа необходимо проводить тренинги с интервьюерами, инструктаж всех задействованных сотрудников и пилотаж инструментария (отдельная область долевой работы – методические эксперименты [см., напр.: Климов, Рогозин, 2006; Климова, Щербакова, 2015; Мягков, Журавлева, 2011]). Уважающие себя исследовательские компании³ все эти шаги реализуют, поэтому обсуждать здесь, по сути, нечего, как и в отношении действий, которые необходимы на полевом этапе для контроля поля (как правило, эти действия сводятся к недопущению фальсификации данных).

Казалось бы, по поводу послеполевого контроля вопросов также быть не должно – основной целью так называемого «контрольного исследования» является оценка масштабов (и способов) фальсификации вопросников интервьюерами, которые по самым разным соображениям (обычно в целях экономии времени и минимизации физических и психологических затрат), исходя из собственных представлений о том, как именно отвечали бы респонденты на вопросы, заполняют за них анкеты (старожилы опросной индустрии фальсифицируют ответы на вопросы искусно и близко к «реальному» общественному мнению). Представители головных исследовательских компаний пытаются внедрить все новые инструменты контроля работы интервьюеров (за последние годы качество контроля возросло за счет использования

² В социологическом сообществе не выработался консенсус относительно «правильной» стратегии поведения в подобных случаях: одни исследователи ввязываются в медийные споры, пытаются доказать правильность методологии опросов общественного мнения и ее неспособность давать однозначные прогнозы; другие не приемлют формат публичных оправданий, апеллируя к некомпетентности широкой аудитории; третьи предпочитают просто игнорировать медийный шум.

³ Безусловно, для этого нужны соответствующие кадровые и финансовые ресурсы.

западных стандартов, наработок и компьютерных технологий) и предотвращения фальсификации данных – от аудиозаписи хода интервью и введения контрольных цифр для затраченного на получение ответов времени до отслеживания пространственных перемещений интервьюеров. Однако все более изощренным технологиям контроля противостоят все более искусные методы их обхождения, и это бесконечное соревнование оказывается в центре социологических дискуссий и обмена «полевыми» опытом по успешному выявлению и предотвращению фальсификаций в разных исследовательских ситуациях. Впрочем, и здесь нужно уточнение, что занимаются слеполевым контролем качества данных только располагающие достаточными ресурсами компании, понимающие важность подобной дополнительной нагрузки для уверенности в объективности данных и в качестве вклада в свой репутационный капитал.

Если отставить в сторону финансовые, кадровые и временные ограничения, определяющие возможности контроля качества опросных данных на слеполевом этапе, то можно выделить здесь три условные группы проблем – замалчивания, забывания и нереалистичности. Первую группу составляют: замалчивание, что опрос – не универсальный измерительный инструмент, он не должен применяться везде и всегда, что, к сожалению, мы часто наблюдаем («сделать социологию» многие заказчики воспринимают исключительно как «провести опрос», а в рыночной экономике социологи вынуждены подстраиваться под «спрос»); замалчивание проблемы достижимости респондентов – не только при маршрутных поквартирных, но и в телефонных опросах достижимость за прошедшие десятилетия снизилась, хотя и по разным причинам; замалчивание, что массовые опросы предоставляют в наше распоряжение два типа данных – устойчивые социальные стереотипы, поддерживаемые медиа, если человек более или менее осведомлен о предмете вопроса, или же «эмерджентные переменные», т.е. первые пришедшие респонденту в голову (или «подсказанные» наводящей информацией интервьюера) ответы на вопросы, в которых у него нулевая информированность (заинтересованность), но эффект социальной желательности заставляет придумывать ответ по соображениям типа «это стыдно не знать», «неудобно подвести человека, он работает, а я ответить не могу» и пр., в итоге респондент по запросу интервьюера «производит мнение», которого у него до момента опросной коммуникативной ситуации не было; и т.д.

Кроме того, с одной стороны, социологи часто обижаются на общественное недоверие к собственным данным и на журналистов за их извращенную презентацию (вырванные из контекста аналитические обобщения, обсуждение отдельных частот, а не распределения предпочтений респондентов по вопросу и т.п.), но, с другой стороны, методическая «кухня», благодаря которой общественности предъявляются некие цифры, остается закрытой (за исключением формулировок вопросов и ответов, объема выборки и времени проведения опроса) с

самой разной мотивировкой – коммерческая тайна, запрет заказчика, авторские права, некомпетентность медийной аудитории и пр. В итоге возникают мифы об ангажированности исследователей и фиктивности данных (слухи о «нарисованности цифр» подкрепляются повседневными разговорами типа: «Тебе социологи звонили, спрашивали?» – «Нет». – «И мне нет, значит, цифры на коленке нарисовали»).

Ко второй условной группе проблем – забывания – можно отнести то, что предлагаемые сегодня «новшества» на деле оказываются чем-то «хорошо забытым». Например, в качестве основы «методического аудита» [Рогозин, 2016] выступает прекращение «игнорирования ситуации, в которой производится “общественное мнение”, и акторов – конкретного респондента и конкретного интервьюера, которые его производят», и демонстрация того, как «“общественное мнение” появляется на свет не в голове среднестатистического гражданина и не в таблицах московского интеллектуала, а в сложной коммуникационной игре, в которую вступают неразличимые, спрятанные от посторонних глаз интервьюеры и обыватели». Однако говорить об игнорировании специфики выстраиваемой интервьюером и респондентом коммуникативной ситуации вряд ли правильно: во-первых, тотальная аудиорегистрация вербальной коммуникации в ходе опроса допускает и запись разговора интервьюера с респондентом после окончания «официальной части» – обсуждения впечатлений по ее поводу; во-вторых, исследовательские компании используют формализованную процедуру оценки коммуникативной ситуации опроса – интервьюер заполняет специальный опросный лист после завершения интервью; в-третьих, существуют публикации, подтверждающие предельную заинтересованность социологов в понимании «невидимых бойцов» опросного фронта [см., напр.: Маслова, 2000].

Д. М. Рогозин предлагает проводить методический аудит опросов общественного мнения через фиксацию особенностей коммуникативной ситуации сбора данных в ином ключе – посредством агрегирования результатов тотальной регистрации вербального взаимодействия интервьюеров и респондентов (речь идет, прежде всего, о телефонном интервью с автоматизированной системой аудиозаписи) в формат «параданных» (сопутствующей информации). Они позволяют отследить, как именно и с опорой на какие соображения (проговариваемые) респондент выбирает вариант ответа на вопрос, взаимоувязав содержательные результаты опроса и параданные о коммуникативных ситуациях получения этих результатов (как ведут себя респонденты – переспрашивают, уточняют смысл слов, удивляются, сердятся или смеются, объясняют свои ответы и системы координат, задают ли вопросы интервьюеру и пр.).

Данное предложение укладывается в нынешнюю исследовательскую моду (в хорошем смысле слова) на работу с «большими данными», однако здесь возникает третий тип из указанных выше проблем – реалистичности, обусловленный следующими вопросами: речь идет

о стандартизированном методическом аудите определенной опросной технологии, конкретного исследовательского проекта или же совокупности методических и процедурных решений, составляющих типичный формат работы конкретной исследовательской компании в конкретном регионе по конкретным тематикам? Кто должен/будет разрабатывать стандарты формирования массива параданных и его анализа? Как сочетается призыв обращать пристальное внимание на коммуникативную ситуацию интервью с тем, что содержательные ее аспекты будут учитываться только в случае обнаружения значимых статистических корреляций, т.е. если по итогам анализа параданных обнаружится вопрос, вызвавший самые большие затруднения, судя по среднему времени, затраченному на поиск ответа на него. Кстати, представители теории «больших данных» [см., напр.: Mayer-Schonberger, Cukier, 2013] утверждают, что в мире больших данных строгая точность невозможна (данные постоянно меняются), а порой и нежелательна, потому что их не интересует причинность: обнаруживаемые корреляции ничего не говорят о том, почему что-то происходит, а предупреждают, что какое-то событие есть. Соответственно, параданные фиксируют факт проблематичности некоего вопроса (если в среднем по выборке на него уходит аномально большое время), но не объясняют, с чем связаны подобные сложности (а вопрос «почему» все же составляет суть методического аудита).

Вероятно, следует вернуться к группе проблем забывания и вспомнить о старой доброй методной триангуляции [см., напр.: Erzerberger, Prein, 1997; Jick, 1983; Breitmayer, 1991] как инструменту валидации эмпирических данных, поскольку сегодня она обретает новое звучание по трем причинам. Во-первых, в силу простоты, быстроты и экономичности сегодня все шире применяются телефонные опросы, а в само телефонное интервью методная триангуляция (в узком ее толковании), по сути, встроена – стандартизированная процедура получения формализованных данных сочетается с коммуникативной ситуацией полуформализованного интервью (отсутствует запрет на достаточно свободный формат общения). Во-вторых, современные технические возможности позволяют вести запись разговоров в ходе телефонного опроса в автоматическом режиме, параллельно со сбором данных обеспечивая социологов огромным массивом сопроводительной информации в доступном для разнообразной обработки формате. В-третьих, фокус на содержательных аспектах коммуникации, обнаружить которые подобные параданные позволяют, представляется более важным, чем статистическая обработка параданных в поисках «говорящих» корреляций и их последующая интерпретация.

Последнее стало очевидно в ходе презентации результатов проекта «Продовольственная безопасность России» в Российской академии народного хозяйства и государственной службы (опрос был проведен на двухосновной выборке мобильных и стационарных телефонов посредством случайного генерирования номеров по спискам номерных емкостей России; полевой этап проходил с 23 по 28 апреля 2015 года, было опрошено 1833 респондента,

из них в Алтайском крае – 608 человек, Краснодарском – 611, Приморском – 614). Продовольственная безопасность «замерялась» через простые вопросы о повседневных потребительских и продовольственных практиках населения, например, о том, выращивают ли респонденты у себя на огороде овощи и фрукты, держат ли в хозяйстве домашнюю птицу или скотину (по этим вопросам параданные о продолжительности ответа не показали корреляции с выбором того или иного варианта ответа). Однако в инструментарии использовались вопросы, порождающие эмерджентные социально одобряемые ответы, например, о необходимости Доктрины продовольственной безопасности России (параданные не показали затруднений с поиском ответа, судя по затраченному на него среднему по выборке времени), а также оценочно коннотированные вопросы о возможном запрете ввоза в Россию продуктов питания из враждебных стран и возможном отказе от ввоза в Россию импортных продуктов питания (по этим вопросам параданные о продолжительности поисков ответов в ряде случаев показали корреляции с выбором того или иного варианта ответа).

Параданные оказались полезны в данном проекте именно в контексте методной триангуляции: позволили выбрать из огромного массива интервью самые продолжительные⁴; они были транскрибированы, а транскрипты проанализированы на предмет оценки восприятия респондентами вопросов (нормально, в штыки, с юмором и т.п.) и аргументации выбираемых из списка или предлагаемых ответов. Например, оказалось, что необходимость запрета ввоза иностранных продуктов питания обосновывается респондентами уверенностью в их опасности для здоровья: *«Обязательно надо запретить, потому что оттуда и болезни, и все остальное. И всевозможные заражения. Мы уже пищим от этой зарубежной химии»* (женщина, 79 лет); с далеко идущими геополитическими последствиями: *«Нужно запретить, нужно, обязательно нужно! Во-первых, это безопасность. Во-вторых, капиталистические страны хотят уничтожить нас как население вообще некачественными продуктами гмошными, чтобы у нас рождаемости не было, ...чтобы мы поумирали побыстрее, а они бы захватили наши все полезные ископаемые...»* (мужчина, 45 лет); из геополитической вредности: *«Я бы чисто из вредности запретила. Потому что нам все пакостят»* (женщина, 41 год); из соображений пользы: *«Обязательно нужно запретить! Это, во-первых, и нашу безопасность сохранит, и повысит занятость населения, безработица сократится. Два зайца убивается этим делом. У нас можно свои качественные продукты не хуже ихних производить...»* (мужчина, 45 лет); или из чувства патриотизма: *«Наш [продукт] как-то больше душу даже греет»* (мужчина, 27 лет) и т.д.

⁴ Конечно, тут возможны ошибки: самые продолжительные интервью могут оказаться с теми респондентами, кто по тем или иным причинам медленно говорит или очень плохо ориентируется в теме, но выполняет свой «гражданский респондентский долг», старательно сочиняя ответы. Однако эта проблема снимается на этапе транскрибирования.

Таким образом, в российской социологии дискуссии о методических решениях и качестве (опросных) данных сменили привычный для себя в 1990-е и 2000-е годы контекстуальный фрейм – сопоставления возможностей качественного и количественного подходов, экспериментирования с опросными формулировками, тестирования разных видов инструментария и пр., обретя взамен несколько избыточную электорально-политизированную направленность и явный акцент на необходимости жесткого контроля данных на послеполевом этапе для устранения фальсификаций, разработки рекомендаций по их недопущению в будущем и более корректной интерпретации выявленных особенностей поведения признаков. Статья ни в коем случае не претендует на значимые или глобальные обобщения – в ней представлена попытка зафиксировать, какие линии методических дискуссий сегодня затихли, какие, наоборот, набирают силу, но попадают в забавные ловушки забывчивости или гиперболизации возможностей «больших данных» и контроля поля, – все эти линии важно развивать в целях интеграции социологического знания и российского профессионального сообщества.

Библиографический список

Александр Чепуренко: Не стреляйте в социолога // <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/11/27/ne-strelyajte-v-sociologa>.

Бабич Н.С., Батыков И. Достоверность социологических опросов потребителей: получение информации об ассоциациях марки с производителем и правообладателем // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12.

Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2.

Дискуссия о социологии // http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=311.

Задорин И.В. Вторая репутационная смерть российской социологии. 2012 // <http://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-sotsiologii-professionalnoe-soobshchestvo/vtoraya-reputatsionnaya-smert-rossiyskoy-sotsiologii>.

Исупова О.Г. Телефонное интервью: заметки организатора опроса // Социология: 4М. 1996. № 6.

Климов И.А., Рогозин Д.М. Тестирование вопросов о доходе // Социальная реальность. 2006. № 11.

Климова С.Г., Щербакова И.В. Опыт изучения территориального контекста гражданского участия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3.

Клюшина Н.А. Причины, вызывающие отказ от ответа // Социологические исследования. 1990. № 1.

Мануильская К.М., Преснякова Л.А. Как правильно задавать вопросы об изменениях цен? Методические особенности измерения инфляционных ожиданий // Телескоп. 2013. № 5.

Мануфактура «Соцпох» // https://www.facebook.com/groups/socpokh/?ref=nf_target&fref=nf.

Маслова О. М. Мир интервьюера: по данным формализованного и свободного интервью // Социология: 4М. 2000. № 12.

Мягков А.Ю. Использование экспертных оценок при диагностике неискренних ответов респондентов // Социологический журнал. 2002. № 3.

Мягков А.Ю., Журавлева С.Л. Экспериментальная оценка качества данных в телефонных интервью // Социология: 4М. 2011. №32.

Назарова И.Б. Качество опроса: факторы неответов // Социологические исследования. 1999. № 11.

Необщественное мнение: Социолог Дмитрий Рогозин о необходимости аудита массовых опросов. 2016 // <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/21/650004-neobschestvennoe-mnenie>.

Орлов А.И. Статистические методы в российской социологии (тридцать лет спустя) // Социология: 4М. 2005. № 20.

Рогозин Д.М., Картавцев В.В., Галиева Н.И., Вьюговская Е.В. Методический аудит массового опроса. М., 2016.

Сваффорд М.С., Косолапов М.С., Козырева П.М. Международные стандарты оценки качества социологических обследований // Мир России. 1999. Т. VIII. № 1-2.

Спор о методах // Неприкосновенный запас. 2004. № 3.

Татарова Г.Г. Интеграция методологического знания: миф или реальность? // Материалы докладов и выступлений Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России». М., 2007.

Татарова Г.Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // Социологические исследования. 2006. № 9.

Толстова Ю.Н. Новые информационные технологии как фактор повышения эффективности социологического исследования // Математическое моделирование социальных процессов. Вып. 17. М., 2015.

Erzerberger C., Prein G. Triangulation: Validity and empirically based hypothesis construction // Quality and Quantity. 1997. No 31.

Green E.C. Can qualitative research produce reliable quantitative findings? // Field Methods. 2001. Vol. 13. No. 1.

Jick T.D. Mixing qualitative and quantitative methods: Triangulation in action // J. Van Maanen (ed.) Qualitative Methods. Beverly Hills, 1983.

Mayer-Schonberger V., Cukier K. Big Data: A Revolution that will Transform How We Live, Work and Think. L., 2013.

Morse J.M. Qualitative methods: The state of the art // Qualitative Health Research. 1999. Vol. 9. No. 3.

Patton M.Q. Two decades of developments in qualitative inquiry // Qualitative Social Work. 2002. Vol. 1. No 3.

Voils C.I., Sandelowski M., Barroso J., Hasselblad V. Making sense of qualitative and quantitative findings in mixed research synthesis studies // Field Methods. 2008. Vol. 20. No 3.